

сомненно, гораздо более основательным знанием эпохи, чем это доступно нам. Рассказав о еретиках-армянах, богомилах и павликианах Филиппополя и его округи, она заключает, что «в отношении догматов они различаются, но все они согласны в восстаниях с манихеями»²². Богомилы не могли призывать, как я полагаю, к возрождению Болгарского государства. Но они выступали против государственной власти, которая в то время была властью империи, и объективно, следовательно, содействовали борьбе за освобождение от иноземного господства. Если они не брали сами в руки оружия, то призывали к неповиновению. Трудно сказать, что было важнее в конкретных условиях.

Не менее сложен и вопрос о так называемой «ромеизации», в котором Малингудис не согласен с историками Болгарии и со мною. Думаю, что подход автора в данном случае должен был быть более дифференцированным. Как я уже отметил выше, я считаю верным вывод об отсутствии в официальном правительственном курсе империи в Болгарии целенаправленной системы мероприятий по эллинизации этих районов. Но одно дело — отсутствие такого курса, другое — реально сложившаяся ситуация. В своей книге я именно это и старался подчеркнуть, говоря, что объективно, на практике, деятельность в Болгарии византийских властей (чиновники были, как правило, греками), церкви (с 30-х годов XI в. средние и высшие церковные посты были в руках греков), господство греческого языка в официальной жизни общества, пренебрежение к местной культуре и т. п. — все это в конечном итоге содействовало ассимиляционным процессам, все это обусловило упадок славянской культуры в Болгарии в эпоху византийского господства²³. Поддержка государственной властью развития отечественной культуры, письменности и литературы на языке, который одновременно является официальным языком церкви и светской власти, была, несомненно, важным стимулирующим фактором. И такого фактора в Болгарии 1018—1185 гг. не было. Это — непреложный факт. Развитие культуры здесь, вне всякого сомнения, хотя и не прервалось (а обратно никто и не утверждал), но замедлилось. Я полностью согласен с тем положением А. Достала, которое Малингудис цитирует в опровержение точек зрения В. Златарского и Г. Литаврина: «Итак, можно констатировать, базируясь на факте появления славянских рукописей в эту эпоху, что развитие культуры и славянской литературы отнюдь не прервалось под византийским господством, хотя и не пользовалось особой поддержкой» (с. 68).

Что касается вопроса о так называемом «национальном чувстве», решительно отвергаемом автором для той эпохи, то буду предельно краток, поскольку по этому поводу мне уже довелось говорить не столь давно и неоднократно²⁴. Не было ни у болгар, ни у греков той поры национального чувства, но было чувство этническое, соответствовавшее степени консолидации этнической общности того времени. Человеку любой эпохи было свойственно чувство (при всей специфике его содержания на каждом этапе истории) принадлежности к данной, породившей его этнической общности — в противном случае не существовало бы не только наций, но и племен, союзов племен и средневековых народностей. Разумеется, византийцы негреческого происхождения, прожившие многие столетия в лоне одной церкви и одной власти (если они не ассимилирова-

²² *Anne Comnène. Alexiade (régne de l'empereur Alexis I Comnène 1081—1118), texte établi et traduit par V. Leib, t. III. Paris, 1945, p. 99.*

²³ *Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 363—374.*

²⁴ См.: *Litavrin G. G. Le problème de la symbiose dans les Etats latins formées sur les territoire byzantins: phénomènes sociaux, économiques, religieux et culturels. — In: XVe Congrès International d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976, p. 14—18; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 163 сл.; Он же. Этническое самосознание славян в VII—X вв. (К проблеме формирования раннефеодальных народностей). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 241 сл.*